

Линг Ло сменила одежду на более удобную и вышла из комнаты вслед за Нэчжой.

Тонкий слой лунного света устилал землю, заставляя черепицу на внутренних стенах отливать синевато-серым блеском. Линг Ло семенила за Нэчжой, то и дело оступаясь, в то время как юный господин шел ровно и уверенно, и ночная темнота нисколько ему не мешала.

— Третий господин, — понизив голос, спросила Линг Ло, — куда это мы направляемся?

— Просто иди, чего зря болтать.

Линг Ло на мгновение умолкла. Неужели то, что этот человек назвал «разобраться с нечистью», на самом деле означает бесцельно бродить по поместью посреди ночи? Ладно уж. Раз он третий господин и ему захотелось прогуляться, она составит ему компанию.

Линг Ло плелась позади, сонливость еще не до конца рассеялась, и она подряд зевнула два раза.

— Спать хочешь? — не оборачиваясь, бросил Нэчжой.

— Нет-нет, — она потерла глаза, — я вполне бодр.

Нэчжой фыркнул, то ли поверив, то ли нет.

Они друг за другом миновали лунные ворота, обогнули искусственную горку и вышли в какой-то глухой угол. Трава здесь выросла в полчеловека ростом, а у стены криво стоял заброшенный колодец.

Нэчжой остановился у края.

Линг Ло приблизилась и заглянула внутрь: в непроглядной тьме ничего не было видно, лишь тянуло сырым водяным смрадом. Она нащупала у ног небольшой камешек и бросила его вниз; лишь спустя долгое время послышался едва слышный стук — вода в колодце стояла неглубоко.

Она повернула голову и тут же встретилась взглядом с Нэчжой. Его глаза излучали нескрываемое озорство, а уголки губ победоносно изгибались.

Сердце Линг Ло забило тревогу:

— Чего вы улыбаетесь, третий господин? Неужели нечисть в колодце?

— Спустись и проверь, — произнес Нэчжой.

Линг Ло: «?..»

Этот маленький предок шутит, что ли?

Она опустила взгляд на колодец. Черная пасть казалась бездонной, в ней лишь смутно угадывались влажные зеленые мхи на стенах, похожие на какую-то липкую кожу.

Ее мозг тотчас же — совершенно некстати — принялся лихорадочно работать: все те призраки из ее прошлой жизни — будь то Владыка ручек, Садако или Чу Жэньмэй — всплывали один за другим, и она мысленно населила ими этот колодец.

Линг Ло попятилась и затрясла головой, словно китайский бубенчик:

— Третий господин...

Нэчжой наблюдал за чередой сменяющихся выражений на ее лице, и настроение его заметно улучшилось.

— Шучу, — с нескрываемым весельем произнес он. — Его здесь нет.

— ... — Линг Ло тяжело выдохнула. Надеюсь, этот несносный ребенок больше не станет над ней измываться.

Они обошли еще добрую половину поместья и в конце концов вышли во внутренний двор. Отсюда было недалеко до служебных построек: днем здесь еще теплилась какая-то жизнь, но в этот час не было видно даже тени человека.

Нэчжой остановился, слегка нахмутив брови.

— Что такое? — спросила Линг Ло.

— Демоническая ци здесь обрывается.

— Вот и отлично, давайте отдохнем, третий господин, — она выдохнула, чувствуя, как в плечах и спине разливается тупая боль.

Линг Ло протянула руку и коснулась плеча: неужели та рана от хлыста снова воспалилась? Но ведь после того, как ей наложили мазь, все почти прошло, по идее, болеть становиться не должно.

Юный господин не удостоил ее ответом, его взгляд был прикован к какому-то месту за спиной

Линг Ло.

Потирая плечо и собираясь сказать: «Давайте поищем в другом месте», Линг Ло вдруг почувствовала под ногой прохладу.

Она опустила глаза: там оказалась небольшая лужа. Вода как раз покрыла край ее туфли, обрызгав подол платья.

— Странно, — пробормотала она, отступая в сторону, — в Чэньтангуане уже два года стоит засуха, откуда здесь взяться луже...

Договорить она не успела, оцепенела.

Вода.

В тот день, когда все случилось, в ее руках тоже был таз с водой.

Линг Ло машинально опустила голову и заглянула в лужу под ногами.

Поверхность воды была гладкой, как зеркало, и в ней четко отражались луна у нее за спиной, сухая трава на стене и ее собственные широко раскрытые от испуга глаза.

А также то, что примостилось у нее на плече.

Маленький призрак с пустым лицом.

Весь мокрый, кожа разбухла и побелела от воды, две исхудавшие до костей ручонки обвивали ее шею, а лицо уткнулось в плечо. Словно заметив ее взгляд, пара белых глазных яблок без зрачков уставилась прямо на нее, и рот расплылся в улыбке.

— Сестрица... Я так хочу есть.

Кровь в жилах Линг Ло вмиг застыла.

Она открыла рот, но из горла не вырвалось ни звука. В следующее мгновение перед глазами сверкнула золотая вспышка. Золотой луч с пронзительным свистом пронесся мимо ее волос и с силой отбросил нечисть с ее плеча.

Серо-зеленая тень издала пронзительный, режущий слух вопль, отлетела от Линг Ло и серой молнией метнулась в сторону дворовой стены.

Нэчжой приподнял бровь, насмехаясь над самонадеянностью нечисти:

— Все еще хочешь бежать?

Кольцо Вселенной взметнулось в воздух и бросилось в погоню.

Линг Ло так и застыла на месте, будто ее ноги вросли в землю. Холодное и влажное ощущение на плече все еще казалось реальным, она протянула руку, но нащупала лишь пустоту.

Ее пробрала дрожь, и она заставила себя прийти в себя.

— Третий господин!

Линг Ло повернулась, чтобы найти Нэчжой, но обнаружила, что юный господин уже умчался от нее, взмыв в воздух.

По соседству располагался внутренний двор экономки Лю.

Не успела она переступить порог, как в лицо ударил густой, тошнотворный смрад. Линг Ло едва не качнуло от запаха, она прикрыла нос рукавом и заглянула внутрь.

Стоявшая у двери банка для солений разбилась вдребезги, а Кольцо Вселенной, ровно вращаясь, зависло в воздухе, заливая полдвора ярким золотым светом.

Рядом с осколками глиняного сосуда лежала мутная лужа воды, в которой плавали два побелевших от сырости детских платяца, спутавшиеся клочья волос и несколько мелких обломков неизвестно чьих костей. Тело нечисти уже распалось на куски, валявшиеся на земле и медленно превращавшиеся в лужицу черной жижи.

— Мой внук!

Экономка Лю с воплем бросилась вперед, рухнув на колени перед грудой осколков и гнилой одежды, и принялась безумными руками шарить в поисках наполовину растворившихся костей.

— Мой внук... Мой сладкий внук... — Морщины на ее лице собрались в гармошку, слезы потекли по бороздкам кожи, а в затуманенных старческих глазах читалось безумие.

Нэчжой стоял в стороне, наблюдая, как эта старуха рвет на себе волосы и заливается слезами, а на его лице читалось презрение.

— Водяной бес. Это чудовище — твой внук? Просто натянув человеческую кожу, оно питается

жизненной силой живых людей.

Экономка Лю подняла голову и сквозь пелену слез узнала стоявшего во дворе человека.

— Т-третий господин...

Ее рыдания оборвались, в горле остался лишь хриплый шепот. Губы долго дрожали, прежде чем она снова повернула голову к луже черной жижи на земле. Неведомо откуда набравшись храбрости, она снова рухнула на колени.

— Господин, это не нечисть... Это мой внук... Это А Пу, он каждый день называл меня бабушкой...

Линг Ло стояла у входа во двор, и при этих словах в ее памяти внезапно всплыло одно воспоминание.

Два года назад Цуй Эр шепнула ее прежней хозяйке на ухо, что маленький внук экономки Лю играл у речной отмели за пределами Чэньтангуаня и так и не вернулся. На берегу нашли только туфлю, а тело так и не отыскали. Старуха упорно отказывалась верить в смерть внука, твердила, что он просто заблудился и рано или поздно вернется.

Позже, когда в поместье заходили об этом речь, все лишь вздыхали, сочувствуя горю стариков, хоронящих молодых, и говорили, что экономка Лю вызывает лишь жалость.

Надо полагать, эта нечисть приняла облик внука экономки Лю, обманывая ее и позволяя ей жить в самообмане.

— Так вот почему вы потворствовали тому, чтобы оно пожирало людей? — неожиданно подала голос Линг Ло.

Разве экономка Лю не знала, что это демон?

Конечно, знала. Она каждый день носила остатки еды к тому сосуду, разговаривала с ним и звала «внуком». Уж она-то знала лучше кого бы то ни было, что это не человек. Но ей было жаль расставаться. Эта тварь носила кожу ее внука и звала ее «бабушкой», и ей уже было все равно на остальное.

Проголодалось — она кормила его. Потребовало жизненные силы и души — она позволяла ему брать их.

В ее глазах чужие жизни не шли ни в какое сравнение с жизнью ее «внука».

А прежняя хозяйка была всего лишь тринадцати-четырнадцати лет от роду, ее имя толком никто и не запомнил, и она умерла вот так — бесшумно и незаметно.

Экономка Лю оцепенела и медленно повернула голову. Ее старое лицо было залито слезами и соплями, губы дрожали, но вовсе не от страха или угрызений совести — во взгляде, которым она окинула Линг Ло, читалась лютая ненависть.

— Чушь! Что ты понимаешь... — ее голос хрипел, а вид был безумным. — Что ты понимаешь! Ты же не умерла! А ему всего шесть лет... Он же хочет есть!

С этими словами она дрожащими руками зачерпнула горсть раздробленных костей и прижала их к лицу, словно это и впрямь был ее драгоценный внук.

— Хочет есть?

Нэчжой усмехнулся, и на его по-детски чистом лице проступило едкое презрение; он многозначительно покосился на Кольцо Вселенной.

— Оно тоже хочет есть.

Кольцо Вселенной издало гудящий звук, и золотой свет вспыхнул с новой силой. Лужа черной жижи на земле зашипела, словно на нее опустили раскаленное железо; те несколько осколков костей, пучок волос и два белых платя — все разом обратилось в пепел под лучами золотого сияния.

— Нет! А Пу! Мой внук — внук! — Экономка Лю издала нечеловеческий вопль и бросилась вперед, пытаясь защитить прах, но зачерпнула лишь пригоршню обугленной золы. Она рухнула на землю, заходясь в мелкой дрожи, ее губы шевелились, но издать хоть один членораздельный звук она уже не могла.

Нэчжой нашел эту сцену слишком шумной, вонючей и скучной, решив поручить матушке разобраться с этим завтра утром. Он взмахнул рукой, и Кольцо Вселенной с гудением вернулось к нему на запястье; золотой свет угас, и двор снова погрузился во тьму.

— Уходим.

Линг Ло оглянулась на царивший во дворе кошмар, не испытывая в сердце ни капли жалости.

В каждом человеке, заслуживающем презрения, есть своя глубокая горечь, но нельзя из-за собственной боли забывать о творимом зле — экономка Лю сама навлекла на себя беду, и спасения ей нет.

Она поправила одѣжду и последовала за ним.

<http://bllate.org/book/21188/2145358>